

КОНТРАПУНКТОМ К МЫСЛИ ПИСАТЕЛЯ

Андрей Сергеев
Санкт-Петербург

Тема для обсуждения:

Юрий ПОЛЯКОВ. ЗАМЕТКИ НЕСОГЛАСНОГО. Зачем вы, мастера культуры?
Литературная газета, №№ 28-29, 2005.
(http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg282005/Polosy/1_2.htm)

Это не запись дискуссии, состоявшейся между реально существующими людьми. Это вымышленный разговор придуманных персонажей, своего рода пьеса, правда, публицистического характера. Пьеса, предназначенная не для постановки на сцене, а лишь для чтения. Соответственно, здесь не подразумевается никакого действия, а всё наше внимание будет сконцентрировано на движении идей. Мне представляется, что они этого заслуживают. Мне захотелось избрать именно такой жанр потому, что в реальной жизни споры, столкновения точек зрения далеко не всегда приводят к рождению истины, а к сожалению, нередко лишь обостряют противоречия между участниками. По опыту знаю, что если собрать за одним столом даже самых образованных людей и предложить им серьёзную современную тему, они очень быстро перестанут слышать друг друга, задумываться над чужими словами и пытаться их понять, прежде чем высказывать свои. Что же касается литературных персонажей, то их-то я волен наделить абсолютным терпением и уважением к собеседнику, а главное — способностью к достижению единомыслия. В общем, вместо полемики за реальным круглым столом нам предстоит наблюдать за процессом рождения идей у совершенно «виртуальных» личностей. Они будут собираться вместе на этих страницах по поводу некоторых интересных публикаций, появившихся в российской прессе недавно или не очень давно, — во всяком случае, остающихся актуальными. Вот, вкратце, основной замысел этой рубрики, целиком отведённой под авторский проект. Мне хочется верить, что высказываемые здесь мысли не чужды многим представителям нашей творческой интеллигенции, а значит, некоторые из них могли бы прозвучать и во время настоящей дискуссии. По крайней мере, я рассчитываю, что всё это окажется близким и понятным для тех, кто читал сам материал, послуживший поводом к созданию данного произведения, и размышлял над ним.

Часть первая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КРЕЧЕТОВ Афанасий Адрианович, философ, профессор крупного университета

ГИЛЯРОВ Артём Викентьевич, журналист, обозреватель столичной газеты

ВЕРКОЛЬСКАЯ Ксения Георгиевна, начинающая провинциальная поэтесса

Отец Ириней (ДЕЧАНОВ), пожилой иеромонах, перенёсший репрессии

ТРОФИМЦЕВА Софья Кузьминична, школьная учительница, коренная сибирячка

Афанасий Кречетов: Выступление главного редактора «Литературки» Юрия Полякова, уже отмеченное в 2005 году престижной премией «Хрустальная роза Виктора Розова» — не просто интересная статья в становящейся всё более интересной благодаря его же усилиям газете. Это — глубокий анализ непростой действительности современной российской культуры, исключительно реалистическая оценка (основанная на серьёзном знании вопроса «изнутри»). Это также собственные конструктивные идеи — возможно, не бесспорные, как любой честный конструктив. Попробуем обратиться к некоторым, наиболее ярким и запомнившимся моментам этой очень аргументированной, исходящей из самого сердца, хотя для кого-то и весьма нелицеприятной работы, чтобы, прослеживая мысль писателя, постараться по возможности идти в своих рассуждениях параллельно ей, пункт за пунктом. («Контрапункт» — это ведь дословно «точка против точки»; в му-

зыкальной практике, как известно, его применяют при создании полифонических произведений, в которых отдельные голоса, связанные общей гармонией и ритмом, сохраняют свою индивидуальность). Думаю, что если говорить об этой публикации в целом, сразу можно было бы заявить, что мы не только понимаем и разделяем подход автора, но и поддерживаем многие его идеи. А если даже приходится в чём-то не соглашаться и спорить по частным вопросам, это нисколько не умаляет нашего большого уважения к писателю. И тут уместно вспомнить старую истину, что опираться возможно лишь на то, что оказывает хоть некоторое сопротивление...

В многочисленных обращениях российской власти к народу, в том числе в посланиях Федеральному собранию, прозвучавших в последние годы, нет ничего об отечественной культуре. Ни слова!

...Даже про нравственность недавно заговорили, а про культуру, собственно, формирующую и поддерживающую моральные устои общества, снова забыли! (Ю.Поляков)

Артём Гиляров: Отсутствие в официальных кремлёвских речах каких-либо серьёзных концепций поддержки отечественной культуры, отмеченное писателем, действительно очень показательно и тревожно. Оно создаёт убеждённости, что всё то, что в обсуждаемой статье говорится о вкладе «культурной номенклатуры» в продолжающееся погубление русской культуры, позаимствовано этой номенклатурой от самых верхов, то есть представляет собой не стихийное самодеятельное безобразие, а всё же планомерную и целенаправленную политику.

Ксения Веркольская: Вообще, молчание в определённых, особенно критических, ситуациях — не худшее оружие, чем многословие. А зачастую и куда более действенное. Молчанием можно уничтожить даже вернее, чем словом.

Артём Гиляров: Кое-кто, помнится, в одну довольно мрачную пору советской эпохи говорил: нет человека — нет проблемы. Нас сейчас передёргивает от такого цинизма. Но ведь верно и обратное: если «нет проблемы» (когда она упорно и длительно замалчивается, задвигается на задворки бытия), то со временем «не станет и человека». В том смысле, что не будет людей, которые продолжали бы пытаться эту проблему решать. Отчасти они просто вымрут естественным путём. Некоторые из оставшихся соблазняются более прагматическими предложениями, чем участие в сражениях с ветряными мельницами — ведь сколько же ещё можно упорствовать в существовании явления «русская культура» как таковая? Кто-то подыщет себе иную «историческую родину» и осуществит самореализацию там — уже по другим правилам игры и в русле других интересов и традиций. Наконец, все прочие свой невостребованный талант и несостоявшиеся творческие замыслы банально утопят в стакане, как от веку на Руси повелось «утешаться» — и тоже фактически выйдут из строя.

Ксения Веркольская: Если «нет проблемы», нет осознанной цели, намеченной высоты — кому же за них сражаться, кому охота жизнь полагать неизвестно за что?..

Афанасий Кречетов: Одно замечание. Не совсем верно, что «культура

формирует моральные устои». Точнее было бы сказать, что общественная нравственность — это некая глубокая первичная сущность, наиболее конкретно и определённо выражающая себя в культуре, через которую она, действительно, эффективно поддерживается, передаётся от поколения к поколению, воспринимается, оценивается и усваивается. Но **источником** нравственности не является сама культура. К примеру, во многих цивилизациях периоды наибольшего культурного расцвета благополучно сочетались с такими катастрофическими падениями нравов, на которые потом с ужасом взирали целые поколения. Нравственность всегда имеет над-человеческую, то есть религиозную природу. (В своё время этот тезис с убедительной, прямо-таки математической точностью обосновал Владимир Соловьёв в очень важной философской работе «Оправдание добра», где рассмотрел и опроверг также все существующие и возможные возражения против). Тогда как культура — это всего лишь человеческая душевная деятельность.

...Когда мы были в большей степени «материалистической скотиной» (Гоголь) — при «безбожной» власти или теперь, когда аббревиатура «РПЦ» встречается в газетах почти так же часто, как КПСС в советской печати? Однако православие, как и другие верования, не собираются да и не должны подменять собой светскую духовность. (Ю.Поляков)

Артём Гиляров: Да, нынешнее российское общество, несмотря на очевидную свободу совести и творческого самовыражения, характеризуется куда большим прагматизмом и приземлённостью, чем в недавнем прошлом советский народ, зажатый между Сциллой добровольно-обязательного атеизма и Харибдой учения бородатого классика — «всесильного, потому что верного». Можно даже сказать, что тот господствовавший «материализм» был на самом деле одним из самых идеалистических (в смысле — фантазийно-утопических) мировоззрений, которые изобрело человечество за всю свою историю.

о.Иринея: Но трудно согласиться с приведённым сопоставлением влияния компартии и Церкви на общество. Ни средства, ни масштабы — в агитационно-пропагандистском плане (для первой) и миссионерско-просветительском (для второй) — просто несоизмеримы.

То, что в различных печатных изданиях сейчас регулярно мелькают названия церковных структур и имена священнослужителей, вовсе не признак сколько-нибудь значительного **воцерковления** общества. Вот если бы православное мировоззрение, нравственное учение Церкви и соответствующая им система духовных и культурных ценностей повсеместно проникли бы в литературу, искусство, кинематограф, и утвердились в них, а телевидение, радио и остальные средства массовой информации стали бы по своей инициативе систематически доносить это до всего населения — тогда только можно было бы говорить о серьёзном, обширном влиянии Церкви на общество и его культуру. А пока что у Церкви (вернее, даже не у официальных церковных организаций, а у самого православно верующего народа) по-прежнему нет никакой значительной массовой трибуны, амвона, нет ничего даже близко похожего на те мощные «рычаги» общественного убеждения, которыми — начиная со школы, семьи, производства, отдыха, и включая улицы наших городов, любые общественные мероприятия, произведения искусства и все вообще сферы культуры и повседневной жизни — широко пользовалось государство в период господства тоталитарной коммунистической идеологии. Какая же польза в сравнении мелькающих аббревиатур: тогда — КПСС, сейчас — РПЦ, если их роль и фактический вес в обществе пока что совершенно не сопоставимы?

Афанасий Кречетов: Нельзя не сказать и о самом термине «светская духовность» (хорошо, что не «советская»...) К сожалению, это пример часто встречающегося невнимательного отношения (даже наших лучших писателей и публицистов!) к глубокому внутреннему смыслу слов, особенно некоторых концептуально значимых терминов. В данном случае мы имеем дело с широко укоренившейся неточностью, основанной на различении понятий «духовность» и «душевность». Православие не может подменить собой никакую специальную «светскую духовность» по той причине, что таковой просто не существует в человеческой природе. **Духовность** — понятие сугубо религиозное, выражающее степень погружённости человека в духовную жизнь, происходящую из тех или иных религиозных верований, целей и практики. Поэтому духовность не бывает «светской», «церковной» или какой-то ещё.

о.Иринея: Не только светский, но и формально церковный человек, к несчастью, нередко имеет такое скудное представление о подлинной духовной жизни, что «духовным» его невозмож-

но считать. Даже иногда и в том случае, когда он носит вполне определённый «духовный сан»! Между прочим, великие церковные писатели, святые отцы «духовным» называли вообще лишь то, что нисходит на человека свыше, от Духа Святого. А не то, что человек сам производит из себя, даже если это благочестиво и обращено к Богу. И уж тем более — не то, что вообще не относится к религиозной жизни. Конечно, светские люди не обязаны признавать и принимать учение Церкви и её терминологию; но хотя бы из уважения к самой Церкви и для того, чтобы не создавать путаницы в понятиях, стоило бы обращать на такие вещи внимание.

Афанасий Кречетов: Вот слово **душевность** (в широком, антропологическом смысле) — гораздо более общее, охватывающее, в частности, и всю вообще культуру, как именно душевную деятельность. Это, конечно, в обществе. А в бытии отдельной личности «душевное» — это вся психическая сфера, сознательная и бессознательная, включающая также эмоции и влечения, ощущения и переживания. Весь внутренний идеальный мир личности.

о.Ириней: Произведение культуры мы признаём не просто душевным, а духовным, если имеем надёжное свидетельство, что оно пронизано благодатным Божиим благословением. Но произведение может остаться и только душевным, то есть в духовном отношении быть вполне нейтральным (при этом даже если и относящимся к религиозной тематике, но идущим лишь от самого человека, безблагодатным; либо же собственно «чисто светским», вовсе не затрагивающим религиозных вопросов). Применительно к этому культурному слою подошло бы слово «бездуховный», но оно давно уже приобрело совершенно иной, чисто отрицательный оттенок.

Софья Трофимцева: Произведения, к несчастью, бывают и «антидуховными» (извращёнными, безнравственными, сатанинскими), и хочешь, не хочешь, но и такие явления надо тоже относить к душевности и культуре, даже если язык вообще не поворачивается называть их «культурными».

Афанасий Кречетов: Не только авторитетные отцы Церкви, но и многие древние мудрецы и философы учили, что человек — существо не двух-, а трёх-составное, или вернее, причастное трём планам бытия: в нём, кроме **телесной** сущности, есть **душа живая** (как и у других живых существ, просто значительно более развитая), но есть ещё и качественно иная составляющая — час-

тица **духа**, высшей онтологической основы бытия, возводящей человека к его Творцу, и несущая в себе, собственно, тот самый «образ и подобие». Поэтому «душевное» (обобщённо-культурное) и «духовное» (подлинно религиозное) — далеко не одно и то же.

Ксения Веркольская: Обычно под так называемой «светской духовностью» понимают именно культурную жизнь, причём в некотором нравственно-положительном, состоятельном эстетически и вообще, возвышающем человека направлении...

Афанасий Кречетов: Но лучше всё же иметь в виду указанное различие. Невнимательное отношение к тем глубоким смыслам, которые тысячелетняя традиция усвоила употребляемым нами словам, причащает человека к небрежности в терминологии, что способно породить уже явные заблуждения — даже если мы первоначально «понимали, о чём говорим».

Ксения Веркольская: Только давайте не будем выискивать терминологические недочёты в блестящих и справедливых высказываниях Юрия Полякова! Образная и эмоциональная речь писателя не всегда обязана удовлетворять критериям, предъявляемым к научным или философским трактатам...

...Самоокупающаяся культура — такая же нелепость, как самоокучивающаяся картошка. (Ю.Поляков)

Софья Трофимцева: Хорошо сказано, метко. Вероятно, идея «самоокучивающейся культуры» принадлежит тем же госчиновникам, которые занимаются переключением экономических проблем страны на само наше много-страдальное общество.

Артём Гиляров: Ну да, в духе недоброй памяти реформ последних лет, направленных ко всё большей социальной безответственности богатеющего государства. А может быть, эта идея исходит от дельцов шоу-бизнеса, которые и так неплохо сегодня чувствуют себя и не хотят, чтобы кто-либо им мешал «самоокупаться»? Ведь для них любое участие государства в поддержке культуры — это прежде всего **присутствие** государства как крупного монополиста на рынке «культурных услуг», то есть дополнительная конкуренция: потребитель-то у всех один, общий — народ. Зачем же пускать на этот рынок государственный капитал, тем более с его изрядным административным ресурсом? Хоть государство и плохой собственник, неэффективно управляющий

своим имуществом и не извлекающий всей возможной прибыли, но всё же этот игрок, если опять объявится на культурном рынке, способен отвлечь на себя немалую часть зрителей-слушателей-читателей вместе с их деньгами. Так что тут видна вполне банальная борьба за сохранение доходов.

Ксения Веркольская: А то, что государство (в принципе) имеет возможность через поддержку культуры влиять на сохранность и преемственность тех самых моральных устоев и традиций общества, без которых не будет сохранности и самой нации — это культуртрегеров-барышников волнует, разумеется, в последнюю очередь!

Артём Гиляров: Но в том-то и уникальная особенность государства, что именно оно, **обязанное** действовать в интересах всей нации, а не отдельных хозяйствующих субъектов, может противопоставить нечто реально стабилизирующее и укрепляющее, противостоящее процессу раздиранья культуры стихийными собственническими страстями.

Софья Трофимцева: Неплохо бы задуматься: какое направление неизбежно примет «самоокупающаяся культура», эволюционируя в чисто рыночных условиях грубого дарвиновского естественного отбора, вообще без участия каких-либо специальных государственных или общественных структур? Очевидно — направление на самые низменные человеческие пороки, так как это будет всегда востребовано, особенно при прогрессирующей потере значимости таких совершенно нерыночных факторов, как **нравственные нормы**.

о.Ириней: Возвращаясь ещё раз к понятиям «духовность» и «душевность», на которые обратил внимание уважаемый профессор, вспомним: истинная духовная жизнь всегда сопряжена с самоограничением страстей и обращённостью человека к высшим идеалам, а душевная деятельность может — в зависимости от того, какие формы она принимает и что приветствуется в данный момент обществом — как способствовать реализации этих духовных идеалов, создавая прекрасные художественные образцы любви, чистоты помыслов, альтруизма, ответственности, милосердия, служения, так и наоборот — погружаться в «глубины сатанинские» и воспевать любые мерзости и пороки, к которым испорченная человеческая природа испытывает хоть малейшее сочувствие. На диком, ничем не ограниченном рынке в борьбе за развращённого потребителя победит тот, кто сумеет поразить его пресыщенное воображение большей

глубиной и неожиданной сладостью греха, нежели конкуренты.

Артём Гиляров: Даже если для этого придётся окончательно расстаться со всяким здравомыслием, отбросить все художественные традиции, пренебречь вкусом и стилем и упразднить саму необходимость мастерства, как всё это уже давно обнаружили господа постмодернисты.

Софья Трофимцева: Самое, может быть, ужасное во всей гнилой идее «самокупаемости» — это коммерциализация ещё и образования. Во-первых, она создаёт поводы для колоссальной социальной несправедливости: доступность образования всё больше определяется не индивидуальными способностями и целеустремлённостью учащегося, а одним лишь финансовым ресурсом (который может иметь любое происхождение, включая не самые достойные...) Во-вторых, ребёнок, у которого ещё не сформировались ни твёрдые моральные критерии, ни мировоззрение и жизненные принципы, с раннего детства в учебном заведении сталкивается с отрицательными примерами чисто деловых, формальных, безжалостно «взрослых» отношений, вместо необходимых ему сердечных, человеческих, и привыкает всё вокруг оценивать в рублях — причём по юношескому максимализму даже то, что в принципе никогда в них выражено быть не может. Сумеет ли школа приучить ребёнка, например, к честности, взаимопомощи, справедливости, если коммерческая подоплёка всей школьной жизни будет ему ежедневно демонстрировать, что выгоднее — обмануть, слабого — оттолкнуть, а заполнить что-нибудь «на халяву» — вообще высшая доблесть?..

Афанасий Кречетов: В традиционной (дореволюционной) русской педагогике был такой великий принцип: **опережающего нравственного развития ребёнка** по сравнению с интеллектуальным. Это обеспечивало восприятие трудных взрослых проблем и вопросов только тогда, когда уже имелся достаточный нравственный иммунитет против зла, нравственный опыт для узнавания его и нравственные силы для противодействия ему, отвержения его.

о.Ириней: «Уклонися от зла и сотвори благо» — впитывали дети священную мудрость древнего псалма и получали замечательно простой образец правильного поведения, которому можно было следовать в любой момент и в любых обстоятельствах.

Софья Трофимцева: Очень важно было воспитывать ребёнка с малых лет

в целомудрии (во всех смыслах этого слова), и лишь после закрепления в нём здоровой нравственности на уровне произвольных подсознательных реакций (а не просто в виде рациональных запретов, которые в подростковом возрасте обязательно подвергаются пересмотру и зачастую разрушаются, особенно под влиянием окружающего общества) его можно было начинать учить отвлечённым понятиям и относительным истинам, заниматься накоплением разнообразных частных знаний.

о.Ириней: Для маленького человечка первоначально жизненно важно только одно: различать, «что такое хорошо, а что такое плохо», даже ещё не анализируя, почему это так, то есть фактически принимая **на веру**. Этому способствовало и раннее религиозное воспитание — в вере ведь тоже надо упражняться, **способность верить** развивается при постоянных упражнениях, как и все другие способности души.

Софья Трофимцева: В XX веке этот ценный педагогический принцип был выхолощен и сведён на нет. В советское время невозможно было и мечтать употребить в воспитательных целях что-то, что могло быть расценено как «религиозный дурман». Зато господствовавшая идеология пользовалась любыми поводами для ежедневного внушения своего «морального кодекса строителя коммунизма» — по существу, искорёженной выборки из ветхозаветных библейских заповедей. Позаимствовали из Закона Божия, только для Бога места не оставили.

Афанасий Кречетов: Впрочем, нельзя забывать, что при этом невольно повторялись слова о честности, верности, общественном долге и других «вечных» ценностях, — поэтому ребёнок по крайней мере слышал о таких вещах как о чём-то положительном, и это способствовало хотя бы минимальному нравственному росту. Когда же в постперестроечную эпохупотребность в «идеологическом воспитании» отпала, детей в школе стали просто загружать знаниями «согласно программе», как будто это бездушные компьютеры, а всякое воспитание оставили на усмотрение родителей. Те же, в свою очередь, считают, что ребёнок и так в школу ходит — чего же ещё?.. При растущей коммерциализации учебного процесса всё больше ощущается, что в школе (не говоря уж о

вузе) теперь занимаются не **образованием** (проявлением в человеке образа Божия), а «оказанием платных услуг» — то есть продажей знаний.

Артём Гиляров: Как в ларьке лимонада. Значит, и преподаватель — уже никакой не педагог, не воспитатель, и какому-то особому авторитету у него откуда взяться, потому что он — самый обычный торгаш, который, как и все, старается «развести клиента», загнать свой товар подороже и с минимальными хлопотами, а за отдалённые последствия не отвечать.

Афанасий Кречетов: Мы забываем, что сам процесс обучения — это исключительно творческая деятельность, причём **для обеих сторон**, во время которой учащий всё время созидает путь к душе учащегося, а тот всё время созидает в себе новые смыслы и понятия.

Софья Трофимцева: Есть одна особенность в индивидуальном развитии человека, хорошо знакомая педагогам-практикам и детским психологам, которая сейчас — по невежеству ли, сознательно ли? — полностью игнорируется в официальных школьных программах. Чиновникам от образования и культуры сейчас представляется, что воспитание — это всего лишь необязательная добавка к главному — процессу «получения знаний». И что **нравственное воспитание** можно организовать достаточно произвольно, в том числе идя на поводу у новоявленных либерал-реформаторов российской педагогики с их высосанными из пальца и навязываемыми всем «авторскими методиками» — вплоть до массового «секспросвета» школьников (на самом деле использовать лоббируемой индустрией «взрослых» развлечений, стремящейся заранее подготовить новые поколения для приобщения к своей продукции). Но всё же законы человеческой природы не допускают произвольного истолкования и подгонки под чьи бы то ни было интересы. Следствием скудного воспитания положительных нравственных качеств и недостаточного упражнения вести в раннем детстве становится закрепившаяся в молодом человеке

нравственная недоразвитость — свойство, как оказывается, совсем не безобидное для его общего психического здоровья. Оно приводит впоследствии к необратимой интеллектуальной ограниченности, олигофрении, проще говоря — **дебилизму**.

На диком, ничем не ограниченном рынке в борьбе за развращённого потребителя победит тот, кто сумеет поработить его пресыщенное воображение большей глубиной и неожиданной сладостью греха, нежели конкуренты

Афанасий Кречетов: Да, это так, как ни странно на первый взгляд! Дело тут в том, что развитие совести — это развитие способности постигать и признавать **истину**, причём независимо от того, приятна ли и удобна ли она для нас, — то есть как абсолютную ценность. А это качество неизбежно оказывается востребованным во всех формах интеллектуальной деятельности, без него невозможно вообще никакое познание, и, соответственно, безрезультатно обучение. Новые, а тем более абстрактные и сложные понятия просто не воспринимаются, не усваиваются, и взрослеющий человек остаётся фактически с умом ребёнка, совершенствуя лишь свою сферу животных влечений и реакций.

Артём Гиляров: А в нужное время его подхватывает мейнстрим примитивной молодёжной масс-культуры, через рекламу внушается тупой и бессмысленный «пивной образ жизни», простые и понятные ценности оболваненного потребителя: зачем думать, надо же развлекаться, потреблять...

Софья Трофимцева: И чему мы теперь удивляемся, отмечая снижение эффективности образования, падение интеллектуального уровня нового поколения — детей и внуков некогда «самой читающей нации в мире»? Дело не только в том, что теперь стало «нечего читать» (мало достойных новых произведений) — у нас хватало бы прошлых запасов, великие сокровища русских классиков общепризнаны. Даже при скудомыслии современных литераторов у молодого читателя мог бы быть богатейший выбор. Но что делать, когда он просто не в состоянии воспринять сам **логос русской литературы**, ему зачастую не удержать в своём недоразвитом в нужное время уме даже сюжет серьёзного произведения, не говоря уж о том, чтобы приобщиться к каким-то идеальным возвышенным интересам героев, сопереживать им... Остаётся одно: потреблять детективную шелуху и прочую «фабричную» литпродукцию — вот тут-то, получив достойного потребителя, она и расцветает, как плесень. Провалы в педагогике неизбежно приводят к «потерянным поколениям», те формируют массовый спрос на культурный суррогат, а любой платёжеспособный спрос в условиях рынка немедленно рождает соответствующее предложение.

Ксения Веркольская: Получается, что на вопрос «зачем» — по крайней мере, зачем существует некоторая часть деятелей культуры — ответ довольно очевиден. Как ни горько это сознавать...

...**Духовная мотивация «сосредоточения» страны встала на повестку дня. Глубокий мыслитель Александр Панарин заметил по этому поводу: «Цивилизационное одиночество России в мире создаёт особо жёсткие геополитические условия, в которых выжить и сохранить себя можно только при очень высокой мобилизации духа, высокой вере и твёрдой идентичности».** (Ю.Поляков)

Артём Гиляров: Действительно, исключительно важная мысль. То, что её не берут на вооружение и, похоже, всерьёз даже не рассматривают наши государственные мужи, говорит либо о их невеликом уме, либо о нежелании действовать во благо России. Впрочем, одно не исключает другого...

Афанасий Кречетов: Многие вообще отвергают «цивилизационное одиночество России в мире» или даже хотя бы её культурную обособленность от мира, полагая, что всё это в прошлом, а нынешняя реальность — это неизбежная **глобализация** со всеми её «прелестями». И единственное, что можно сделать — постараться успеть занять в этом всеобщем «глобализационном проекте» сколько-нибудь лидирующее положение. Но это или наивные заблуждения, или хорошо замаскированная ловушка.

Артём Гиляров: А иные, признавая «одиночество» или по крайней мере «особый путь» России, тем не менее не считают актуальным «сохранить себя» (то есть свою цивилизационную принадлежность). Для них «выжить» — значит лишь приспособиться, даже если это подразумевает раствориться, предать свою суть, историю и культуру. Важнее **бытие**, которое — когда-нибудь, когда всё успокоится — само собой определит и наше **сознание**. Нас ведь так учили в советских школах и вузах?

Софья Трофимцева: И совсем уж редко можно встретить осознанное и убеждённое принятие таких ценностей, как «высокая мобилизация духа», «высокая вера» и «твёрдая идентичность». Практически над любой аудиторией, где пытаются обсуждать подобные понятия, сразу почему-то нависает ярлык

«реакционеров», «черносотенцев» и в конечном счёте — «русских фашистов». Даже если ничего подобного на самом деле ни у кого и в мыслях не было.

Артём Гиляров: Интересно, а это что — результаты массово и успешно проведённых в последние годы провокаций, дискредитировавших очень многие хорошие концепции и понятия? Или же следствие общего мещанского «пофигизма» на почве длительной усталости от паралича так называемой демократии и вялотекущей шизофрении общественной жизни?

Афанасий Кречетов: Если принимать процитированную мысль Александра Панарина не как красивую фразу, а как руководство к действию, то надо ведь очень многое изменять — и в отношении власти к народу, и в отношении народа к власти. Властные элиты, если сами по себе не способны предложить объединительную общенациональную парадигму, по крайней мере вполне могли бы содействовать тем мыслителям, которые порождают идеи, пригодные для «мобилизации духа» с целью сохранения цивилизационной идентичности России в современном глобализующемся мире. Но

Провалы в педагогике неизбежно приводят к «потерянным поколениям», те формируют массовый спрос на культурный суррогат, а любой платёжеспособный спрос в условиях рынка немедленно рождает соответствующее предложение

властные элиты справедливо опасаются, что на волне возможной общенародной популярности таких идей и их авторов сами элиты не сохраняют своего господствующего положения, незаслуженного авторитета, не говоря уж о награбленных богатствах, и окажутся заменёнными на носителей этой самой победившей идеологии. Как уже бывало в нашей истории. Кто же при столь впечатляющем историческом опыте, как российский, станет выращивать собственного могильщика? Поэтому они предпочитают продолжать тянуть великую страну в глобалистское болото, где ей уготована известная роль колониально-сырьевого придатка «золотого миллиарда».

Артём Гиляров: Только при этом сценарии у них есть шанс хоть как-то договориться с подобными им заокеанскими прорабами глобализационных перестроек. Чтобы на обычных условиях предательства национальных интересов и собственного народа-кормильца остаться хотя бы в роли полицаяв при нём.

Афанасий Кречетов: С другой стороны, народ России в своей огромной инертной массе как раз и обеспечивает сейчас ментально-цивилизационное противостояние Западу (а точнее — в основном американскому глобализационному проекту), то есть реально сохраняет цивилизационную обособленность нашей страны, без чего её просто давно уже не было бы на мировой арене. И угрозы нашей национальной идентичности представляют не столько неуверенность и бездеятельность властей в их культурной политике, сколько всё чаще наблюдаемое безразличие широких масс населения в цивилизационно важных для него вопросах. Нам бы следовало гораздо больше беспокоиться из-за общего равнодушия к таким, например, явлениям, как этническая экспансия, или «терпимость» к наркотизации и «нетрадиционным ориентациям» (ни с чем подобным прежде русский менталитет так просто не смирялся). А также — из-за необъяснимой покорности масс при превращении свободных людей в оцифрованное перенумерованное стадо — в угоду внедряемым нашими домогосударственными глобализаторами технологиям идентификации всего и вся, опять же по западным образцам.

Артём Гиляров: И это ведь тот же народ, что претерпел все издевательства гитлеровских и сталинских концлагерей с их излюбленным «опусканием» личности до «номера», и притом ведь — народ выживший и победивший! Но теперь поражённый каким-то тотальным историческим склерозом... И я бы ещё отнёс к таким же тревожным явлениям постепенную деградацию (в том числе уже и в литературе) прекрасного языка Пушкина и Гоголя в примитивный американско-подобный сленг вперемешку с бластной «феней» и откровенной похабщиной.

Афанасий Кречетов: Русская цивилизация, как и каждая другая, имеет большой, но отнюдь не бесконечный внутренний потенциал сопротивления внешнему этнокультурному нашествию. Ассимилируя чужую ментальность, она способна выдержать лишь некоторую предельную нагрузку, по превышении которой неизбежно начнёт разрушаться сама.

...Вот уже американцы, бомбящие всё, что стоит не на коленях, сурово критикуют нас за сворачивание свободы слова. (Ю.Поляков)

Афанасий Кречетов: Это, кстати, лишьшний раз подчёркивает неопределённость данного понятия. Ведь согласно

самому же принципу «свободы слова», практически каждый волен понимать под «свободой слова» то, что сочтёт нужным для себя. Нет никакого общепризнанного критерия, посредством которого эту самую свободу можно было бы согласовать с ответственностью и общественной пользой.

Артём Гиляров: Причём такое понимание быстро приобретает национально- или расово-специфическую окраску (свобода слова для чёрных, краснокожих и белых даже внутри США, например, до сих пор не вполне одно и то же; и это ведь по отношению к самим гражданам Америки! — что уж там говорить о далёких от обязательных нормативов западной демократии народах — вьетнамцах, сербах, афганцах или иракцах, с ними на языке «свободы слова» всегда получался, действительно, один лишь разговор: бомбить и ещё раз бомбить...) Свобода слова как символ на протяжении XX века постепенно превратилась в проверенное оружие политической демагогии и навязывания всем остальным цивилизациям мировоззрения в духе американского гегемонизма. Что такое сегодня в мировой прессе «свобода слова» на самом деле? Это практически полная безнаказанность — если вы говорите всё, что угодно, но выгодное Америке. И вполне реальная опасность — для любого пишущего или публикующего хоть что-либо противоположное.

Запад такой оплошности нынешней российской власти, как вмешательство в культурные сферы, только и дожидается. Но с другой стороны, оставить всё, как есть, значит обречь на провал, может быть, последнюю реальную попытку вывести страну из исторического кризиса, ибо моральное состояние российского народа в конечном счёте всегда определяло его экономические и геостратегические успехи. (Ю.Поляков)

Софья Трофимцева: «Оплошность» тут, конечно, можно взять в кавычки, поскольку это — с точки зрения самого Запада. Но я верю, что разумная государственная политика в культурной сфере всё-таки способна совершить чудеса — у нашего народа столько нерастратченных и невостребованных творческих сил! И таков потенциал вековых традиций русской культуры, столь высокие образцы она донесла до нас из века XIX и более ранних, что кажется: только дай возможность плодотворно трудиться у себя дома нашим собственным талан-

там да поощрай их добросовестно следовать этим самым высоким образцам — и мы получим такой расцвет, такое новое «культурное чудо», что соответствующее ему «экономическое» свершилось бы следом без особых проблем, по тому же, уже освоенному пути...

Ксения Веркольская: Но вот именно — «моральное состояние российского народа»... А каково оно сейчас? И могут ли сами мастера культуры, которым писатель такой неприятный вопрос в заголовке поставил: «Зачем вы?» — могут ли реально и притом в скупой отведённые мировой историей сроки изменить что-то, повлиять, воспитать, пробудить? Ведь то, что разрушается за считанные годы, созируется заново потом десятилетиями, а то и веками, и не всегда можно быть абсолютно уверенным в успехе. «Нужны ли вы ещё России, мастера культуры?» Вся красота мира пока что не смогла спасти мир. Спасёт ли красота нашей русской культуры саму Россию? Или эта «последняя попытка вывести страну из исторического кризиса» в самом деле окажется **последней**?

Прежде всего нам необходимо духовное единение общества, раздербаненного приват-реформаторами, а это невозможно без сколь-нибудь солидарного взгляда на наше недавнее прошлое. Но с помощью известных информационных технологий люди заставляют глядеть на советскую цивилизацию примерно теми же глазами, которыми в 20-е годы рабфаковцы, обучаемые красными профессорами, смотрели на дореволюционную Россию. Ведь если, например, выборочно почитать Герцена, покажется, будто вся тогдашняя империя — это пыточный застенок для творческих персон и порядочных личностей... (Ю.Поляков)

Афанасий Кречетов: Духовное единение нам действительно нужно, или хотя бы ментальное (культурное), если уж мы договорились слово «духовность» понимать правильно, не в обыденном, а в более глубоком религиозно-философском смысле. И «солидарный взгляд на прошлое» для этого в самом деле необходим.

Артём Гиляров: Но какая может быть для него основа? Если только по принципу «мир-дружба, прекратить огонь», то есть солидарность ради вне-

шнего кажущегося согласия, то это **соглашательство** по-прежнему останется основанным на внутренней лжи, большей ли, меньшей ли, не принципиально. Единственная реальная альтернатива — стремиться в исторических оценках не к приятности для всех сторон, а к объективности. И для этого следует освободиться как от навязанных нам односторонних взглядов — и на царскую, и на советскую Россию, так и от различных расхожих штампов, являющихся при внимательном анализе не более чем историософскими химерами.

Афанасий Кречетов: Вот, кстати, и само выражение «советская цивилизация» — из этого же ряда. Наверное, мы всё-таки понимаем, что цивилизация не рождается за два-три поколения, и тем более, не исчезает в один день по решению горстки политиканов-предателей. На её формирование уходят многие века, да и разрушение продолжается столько времени, сколько нужно для завоевания и полной ассимиляции народа-носителя. Либо — на образование совершенно новой, вытесняющей цивилизации в пределах того же самого этноса. Мы ведь не различаем, к примеру, допетровскую Русь и Российскую империю, как две **разные** цивилизации, хотя изменения в менталитете, образе жизни, культуре, языке и общественном устройстве произошли тогда не менее кардинальные, нежели в советскую эпоху. Всё равно мы говорим о единой русской цивилизации, существующей уже фактически второе тысячелетие. Не хотелось мне опять отвлекаться на терминологические уточнения, но тут дело в самой сути очень важного для нашей темы понятия.

о.Иринея: Кроме того, в понятие «цивилизация», помимо языка, культуры, образа жизни и многого другого неотъемлемой составляющей входит религия, как основа мировоззрения и нравственности. А советский период истории России породил лишь религиозное опустошение. Власть пыталась привить народу государственную «антирелигию»-атеизм в сочетании с псевдорелигиозными внешними атрибутами своей якобы научно обоснованной идеологии. Исходила она при этом из простого принципа замещения: раз народ ещё помнит церковные праздники, крестные ходы, иконы, святые мощи, — вот вам взамен «новые» советские праздники, праздничные демонстрации с дежурно-номенклатурными лозунгами и портре-

тами, да гниющие в мавзолее (построенном, между прочим, как точная копия древнего языческого храма-капища) останки похороненного по-христиански вождя. Да что там — если уж не по канонам Церкви, которую он гнал, так хотя бы просто общепринятым образом, по-человечески упокоенного...

Артём Гиляров: Зато ещё при жизни канонизированного правящей партией в ранге «самого человеческого человека». Это при многомиллионных-то прямых жертвах его «цивилизационного проекта»! А после смерти выставленного на всеобщее позорище с тщетно имитируемой (одно время — усилиями целого особого института) «нетленностью мощей»...

о.Иринея: При всей суррогатной аналогии религий это всё же не могло стать, поскольку «религия» — это «связь с Богом», а марксистско-ленинская идеология с самого начала Бога принципиально отвергла. И потому даже сейчас

тщ е т н ы
п о п ы т
к и н ы
к о м м у н и
с т о в
п р и с п о
с о б и т ь
с в о ё
п а р т и
й н о е

учение к современной жизни (когда открытого шельмования Церкви, как в советское время, люди больше не приемлют), «согласовав» его с учением Христовым. Ибо «какое может быть согласие между Христом и велиаром?» И ещё такое важное слово апостола следует не забывать: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы». Народ эту мудрость всегда хранил, хотя и упрощал по-своему: «с кем поведёшься...»

Артём Гиляров: Нынешняя компартия при внешней благожелательности к Церкви и терпимости к тому, что отдельные коммунисты позволяют себе потихоньку вкусить немножко «опиума для народа», всё же не в состоянии поступиться убеждениями и отказаться от своего принципиального материализма — ведь так она точно потеряет **свою идентичность**. Да и большинство старых партийцев с детства были воспитаны в коллективной, просто патологической ненависти к русскому православию и к его «реакционному черносотенному духовенству» (по словам того же «самого человеческого» вождя, как известно, категорически требовавшего расстреливать их «чем больше, тем лучше» — в чём и преуспели).

о.Иринея: Тем не менее, сейчас оче-

видно, что несмотря на массовое физическое истребление носителей христианского самосознания и работу всей колоссальной пропагандистской машины, воинствующим атеистам не удалось уничтожить традиционную религиозность русского народа. Православная вера, мировоззрение и образ жизни не прекратили своего существования и во всё это семидесятилетие нового вавилонского пленения. Уже собраны достоверные исторические сведения о множестве святых, мучеников и исповедников Российских, совершивших свой подвиг во имя Христа в годы организованных безбожной властью гонений и прославленных Русской Церковью в канун 2000-летия христианства. Мы знаем, что было и множество простых благочестивых людей, хранивших веру на протяжении всей советской эпохи, передавших её своим детям и ученикам. Мы знаем и о выдающихся православных мыслителях, осуществивших свой творческий подвиг в тяжелейший период нашей истории, работавших для будущего России, без малейшей надежды на получение признания или хотя бы достойной аудитории в этой жизни. Церковь и православная вера сохранились, преемственность тысячелетней культуры не прервалась, полной смены духовно-нравственных ценностей не произошло. А с крахом советской «псевдоцивилизации» подлинная русская православная цивилизация вновь вышла на свет Божий.

Ксения Веркольская: Может быть, пресловутая гласность и свобода слова заслуживают некоторой признательности хотя бы за возможность нам осознать всё это — чтобы за внешней канвой пёстрых исторических фактов и их пока слишком субъективных интерпретаций когда-нибудь наконец почувствовать величественную поступь глубинной **истории русского духа?** Это совершенно необходимо в том числе и для «солидарного взгляда на наше недавнее прошлое».

Афанасий Кречетов: Можно согласиться с Юрием Поляковым в том, что нынешняя российская государственность практически ничего, кроме некоторых внешних символов, не позаимствовала у Российской империи. Но это не значит, что отсутствует и цивилизационная преемственность. Она определяется не властью, а тем, как мыслит и чувствует огромная масса народа. А в этом плане наша современная цивилизация сохраняет преемство именно с веком XIX и предшествовавшими.

Артём Гиляров: Да, альтернативы у нас просто нет! Хвататься опять за советское «псевдо» (не в смысле соци-

альной защищённости, которая тогда была действительно на высоком уровне, а в смысле платы за неё — в форме государственного идеологического гомеостаза) — к этому никакого стремления у народа явно не наблюдается; хватит, наелись в своё время. А какой ещё путь можно предложить? Бездумно заимствовать западную культурную парадигму, растворив в ней всё, что у нас есть? Но ведь это будет уже не культурный прогресс, а катастрофическое саморазрушение.

Афанасий Кречетов: И хотя бы постольку, поскольку мы по-прежнему чувствуем, что есть ещё **нечто**, чему может угрожать разрушение, мы всё-таки принадлежим к продолжающей своё существование русской цивилизации. Вот если перестанем видеть угрозу — значит, она уже осуществилась...

Поверьте, я не идеализирую советское время, но я против того, чтобы гулагизировать эту сложнейшую, кровавую, героическую эпоху — и таким образом воспитывать в нации комплекс исторической неполноценности.
(Ю.Поляков)

о.Ириней: Не надо ни идеализировать, ни очернять. И то и другое — **ложь**, и поэтому не может в принципе принести никакой пользы. Ложь рано или поздно себя обнаруживает в любом случае, даже если намеренно скрывается длительное время или ей не придают значения. Нужна **правда**, объективность, нужен реализм в оценках. Это очень важно как в духовном смысле (если не забывать, что Христос — воплощённая Истина, и погрешающий против неё, то есть лукавый человек, вообще не может именовать себя христианином), так и в смысле научно-историческом, нравственном, даже психологическом. Мы уже говорили, что познание истины и даже само стремление к ней (а не к более прагматическим и сиюминутным целям) возможно только при живой совести, то есть не заглушённом голосе Божиим в душе. «Комплекс исторической неполноценности» в равной мере может быть следствием искажения исторической правды как в ту, так и в иную сторону. Любое внутреннее ощущение неполноценности, мучающее человека и целое общество, происходит в конечном счёте из обличения совестию — из-за нераскаянности в какой-то содеянной или хотя бы мысленно воспринятой неправде, большой или малой. Само это обличение человек может не допускать в своё сознание, но последствия всё равно терпит. Избавиться от них можно

только двумя способами: либо осознать и преодолеть эту неправду, возвратившись к истине, какой бы неудобной она ни казалась; либо убить в себе сам голос совести (отказавшись от нравственных норм). В последнем случае человек вроде бы тоже избавляется от страдания и ощущения неполноценности (становится гордым и самодовольным), но о таких Священное Писание говорит как о «людях с сожжённой совестью», и участь их воистину ужасна и скорбна...

Софья Трофимцева: Несомненно, у нашей творческой интеллигенции ещё есть шансы использовать сегодняшнюю свободу слова для выявления исторической правды — как о царской России, так и о советской. Нужна лишь добрая воля, да та самая честность.

Афанасий Кречетов: Так же не следовало бы современным исследователям и писателям ни перехваливать, ни демонизировать и более ранние эпохи, например, время Иоанна Грозного, русское средневековье и крепостничество («домострой»). То, что мы называем «Святой Русью», «симфонией властей» или «Третий Римом» — не конкретно-исторические данности, а скорее идеализированные модели, архетипы, отчасти реализовавшиеся в отдельные исторические моменты, но не достигнутые и недостижимые в своей полноте и завершённости.

Ксения Веркольская: И тем, может быть, ещё более действенные — как мистическое проявление самого русского духа!

Софья Трофимцева: Но каков соблаз вместо поисков объективной истины заниматься штамповкой различных мифов — чёрных и белых! С каким увлечением многие современные писатели погрузились в историческое фантазирование, произвольно препарирова факты и отбрасывая всё не укладывающееся в наперёд заданную самим себе «концепцию». То упоённо разоблачая очередной «чёрный миф» и делая его «белым», то с наслаждением очерняя страницы истории и имена, которыми ещё недавно все вроде бы гордились.

Ксения Веркольская: И тогда вожделенная свобода слова превращается в жалкое средство для реализации личных тщеславных или сугубо прагматических планов. Так в самом деле, «зачем нам мастера культуры»? Для того ли?..

...В двадцатые годы, на которые пришёлся пик революционного варварства и классовой нетерпимости, культу-

рой зачастую распоряжались «постмодернисты» в кожаных тужурках, презиравшие традиционную Россию и всерьёз болевшие мировой революцией — тогдашней версией глобализации. (Ю.Поляков)

Афанасий Кречетов: Да, в общем, глобализация и постмодернизм — «близнецы-братья», говоря словами известного поэта той самой эпохи. Но это большая самостоятельная тема для разговора...

Артём Гуляров: Интересно вот что. Нынешние коммунисты хоть и составляют временами оппозицию некоторым типично глобалистским акциям российской власти, но фактически совершенно не против идеи глобализации как таковой. Конечно, они считают ту глобализацию, которая уже наблюдается, просто одним из новейших симптомов старого знакомого — империализма, всё в том же понимании, которое давали классические учебники «истмата». Это позволяет им создавать видимость некоторой новизны в их современных программных разработках, иначе было бы просто не за что ухватиться, чтобы оставаться на плаву. Ведь не могут же они провести ревизию своих основополагающих принципов — материализма, ленинизма, сталинизма... А чем ещё новеньким привлечь к себе хоть скольконибудь думающих людей, а не тех лишь, кто ностальгирует по колбасе «за два двадцать»? Но вот конкретные **инструменты** глобалистов («мировое правительство», «электронный концлагерь», технологии «мягкой пропаганды» и прочее) нынешние коммунисты если и критикуют, то не за то, что они угрожают духовной и гражданской свободе личности, а лишь постольку, поскольку эти инструменты находятся не в их руках! То есть по принципу: если бы всё это было в нашем распоряжении, мы бы такой коммунизм построили... (Желающим убедиться в этом достаточно почитать, например, сочинения Г.Зюганова о глобализации).

В литературной молодости, болея, как и большинство моих ровесников, либеральным презрением к советской цивилизации, я был уверен, будто все эти производные от глагола «созидать» — просто красивые словесные фигуры, навязанные агитпропом. Надо было самому пережить революционную ломку, новое нашествие недоучившихся всезнаек, надо было пере-

терпеть разрушительные и хламообразующие 90-е годы XX века, чтобы понять: люди, уставшие от деструкции, готовы простить власти многое за её решимость воплотить в действительность созидательный проект. (Ю.Поляков)

Афанасий Кречетов: Конечно, в советское время это всё действительно воспринималось (даже с гордостью) как некая «цивилизация». Ещё бы, с детства каждому из нас внушали, что мы принадлежим к «новой исторической общности — советскому народу». Но всё же «советская цивилизация» — такой же миф (в худом смысле этого слова), причём миф искусственно созданный, символ без сущности (этакий постмодернистский **симулякр** — отпечаток того, чего никогда не было).

Софья Трофимцева: Но нам не уклониться от ответа на вопрос: как же удалось советской эпохе всё-таки породить столь несомненные культурные достижения?

Афанасий Кречетов: Давайте будем объективны: из произведений, созданных в советское время, непреходящую художественную ценность представляют ведь не те, что основаны (в своей сущности) исключительно на советской идеологии и менталитете, наполнены только лишь утопическими фантазиями о светлом будущем и героикой абстрактной борьбы за коммунизм. Из всего этого в золотом фонде отечественной культуры осталось, главным образом, лишь то, что уходило своими корнями гораздо глубже, в более плодородную и крепкую почву многовековой русской цивилизации. Большинство советских мастеров культуры всё же были воспитаны на эстетических идеалах века XIX, и их творчество ведёт своё происхождение из более серьёзной и подлинной культурной традиции, нежели революционная романтика или индустриальный пафос. Пусть даже им волей-неволей приходилось отдавать должное столь категоричному в советское время «социальному заказу»...

Артём Гиляров: Можно ещё вспомнить — в качестве характерного примера — так никуда всерьёз не привившуюся, искусственно выращивавшуюся советской властью «комсомольско-молодёжную» субкультуру. Пока поддерживался идеологический и административный прессинг, частично её удавалось на-

вязывать наивным и эстетически неопытным юным душам. Но как только государство отпустило вожжи и самоустранилось из культурной сферы, всё это оказалось мгновенно забыто и вытеснено хлынувшим мутным потоком другой субкультуры. Западной, рыночной, уже многоопытной в борьбе за зомбирование потребителя, не менее профессионально владеющей технологиями «изменения убеждений» (через рекламу),

Большинство советских мастеров культуры были воспитаны на эстетических идеалах века XIX, и их творчество ведёт своё происхождение из более серьёзной и подлинной культурной традиции, нежели революционная романтика или индустриальный пафос

и при этом эксплуатирующей не такой эфемерный материал, как робкие мечты о светлом будущем, а куда более простые и всем понятные «плотские» страсти: секс, наркотики, культ силы (дающий право и возможность самоутверждаться «прямо здесь и сейчас»). И молодое поколение очень быстро убежало — не только из детского садика комсомольского идеализма (поняв, что коммунизм, как горизонт: ты — к нему, он — от тебя...), но и вообще, от реальной действительности — в грохочущую, одуряющую стихию рок-музыки и роскошной голливудской виртуальной видео-реальности...

Ксения Веркольская: Какой же «созидательный проект» можно ожидать от нынешних властей? И прав ли писатель — действительно ли народ в основной массе уже устал от деструкции и готов приветствовать решимость элиты воплощать какие-то общенациональные идеи?

Артём Гиляров: Самое старшее поколение, выросшее и состоявшееся в советское время, возможно, и готово к чему-то подобному. Но как быть со средним поколением, с теми, кто успел осознать всю мертвящую атмосферу последнего десятилетия «застойного периода», но в перестройку пережил один за другим несколько сокрушительных крахов всех жизненных планов в самом активном (и, по идее, счастливом) своём возрасте, и кто сейчас смотрит на власти с одной мыслью: только бы больше никаких реформ! Это поколение практически не ходит на выборы и, тем более, митинги, не верит и уже вряд ли поверит в способность российского государства проводить благоприятные для народа преобразования. Скорее всего, оно не будет приветствовать попытку государства

встрять ещё и в культурную сферу — и вообще заровнять своим катком последние отдушины в нашей и так не слишком радостной жизни...

Софья Трофимцева: А уж что говорить о ещё более молодом поколении, о тех, кто вообще знаком с «советской действительностью» максимум по ранним детским воспоминаниям, плюс, возможно, обязательной школьной литературе и нашему старому кино (действительно, очень хорошему)? Для них советская псевдоцивилизация — вообще как что-то инопланетное.

Артём Гиляров: Они выросли в условиях паралича и хаотических злодеяний наших властей и ни с чем другим их просто не могут сравнить. Нынешнее, хоть и лицемерное, по-прежнему антинародное, русофобское, безжалостное и бессовестное состояние властной элиты воспринимается молодым активным поколением как норма, как данность, как нечто достаточно стабильное, понятное и предсказуемое.

Софья Трофимцева: Да, несмотря на отдельные случайные «взбрыки», всегда свойственные определённому возрасту, российская молодёжь сейчас совсем не так радикальна и революционна, чтобы дружно приветствовать какую-нибудь новую «эпоху перемен». Усвоенная ею в массе мотивация индивидуального жизненного успеха, комфорта, доступности всех благ цивилизации при практически полной моральной «отвязанности» (это слово тут более уместно, нежели «свобода») и лишь самых минимальных обязательствах перед обществом — вот та социальная психология, то душевное состояние, на фоне которого будет (если будет!) оцениваться возможный «созидательный проект». И апелляция к советской эпохе — какой бы ни была её беспристрастная оценка — вряд ли чем поможет, если нас интересует выбор этого поколения.

Артём Гиляров: Ну что ж, при следующей встрече мы постараемся развить обсуждение этой темы и продолжим вдумчивое прочтение замечательной статьи Юрия Полякова.